

Научная статья

УДК 347.736

EDN: DYNQVN

О порядке определения размера субсидиарной ответственности по статье 61.12 Федерального закона о несостоятельности (банкротстве)

Ирина Александровна Любимова

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,

Москва, Российская Федерация

✉ *ira.lubi@gmail.ru*

*Научный руководитель: В. В. Шелудяев, старший преподаватель
кафедры предпринимательского и корпоративного права Российского
государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева*

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения размера субсидиарной ответственности контролирующего должника лица по основанию, предусмотренному ст. 61.12 Федерального закона о несостоятельности (банкротстве). В связи с отсутствием легально закрепленного механизма включения тех или иных обязательств в размер субсидиарной ответственности контролирующего лица на практике распространены случаи неверного определения объема ответственности лица исходя из даты представления исполнения по договору. На основе анализа правоприменительной практики предлагается использовать подход, согласно которому обязательства, возникшие из договора, заключенного до даты возникновения на стороне контролирующего лица обязанности по подаче заявления должника о признании его несостоятельным, не входят в размер субсидиарной ответственности.

Ключевые слова: банкротство, субсидиарная ответственность, заявление должника о признании его банкротом, контролирующие лица, размер субсидиарной ответственности

Для цитирования: Любимова И. А. О порядке определения размера субсидиарной ответственности по ст. 61.12 Федерального закона о несостоятельности (банкротстве) // Фемида.Science. 2025. № 1 (16). С. 40–49.

Original article

On the Question of the Procedure for Determining the Amount of Subsidiary Liability Under Article 61.12 of the Federal Law on Insolvency (Bankruptcy)

Irina A. Lyubimova

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation*

✉ *ira.lubi@gmail.ru*

Scientific supervisor: V. V. Sheludyaev, Senior Lecturer of the Business and Corporate Law Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. This article addresses the problem of determining the amount of subsidiary liability of a controlling debtor on the basis provided for in Art. 61.12 of the Federal Law on Insolvency (Bankruptcy). In the absence of a legally established mechanism for including certain obligations in the amount of subsidiary liability of the controlling person. In practice, cases of incorrect determination of the extent of liability of a person based on the date of performance of the contract are common. After analyzing the law enforcement practice, it is proposed to use an approach whereby obligations arising from a contract concluded before the date on which the controlling person's party becomes liable for filing for insolvency of the debtor, not included in the amount of subsidiary liability.

Keywords: bankruptcy, subsidiary liability, declaration of the debtor to be declared bankrupt, controlling persons, amount of subsidiary liability

For citation: Lyubimova, I. A. On the question of the procedure for determining the amount of subsidiary liability under Article 61.12 of the Federal Law on Insolvency (Bankruptcy) . *Femida. Science = Themis.Science*. 2025;(1):40-49. (In Russ.)

Согласно ст. 61.12 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве) неисполнение обязанности по подаче заявления должника в арбитражный суд, а равно по созыву заседания для принятия такого решения в предусмотренных законом случаях, а также в кратчайший срок, но не позднее чем через месяц с даты возникновения соответствующих обстоятельств влечет за собой субсидиарную ответственность лиц, на которых возложена такая обязанность.

Представляется, что одним из проблемных вопросов, связанных с субсидиарной ответственностью контролирующего должника лица по указанному выше основанию, является размер ответственности, которую несет лицо. Особенность заключается в сложности механизма расчета размера ответственности в сравнении со ст. 61.11 Закона о банкротстве, также

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

предусматривающей субсидиарную ответственность контролирующего должника лица, но по иному основанию. Сложность расчета вызвана тем, что ответственность рассчитывается отдельно для каждого из лиц в зависимости от периода, в который они осуществляли функции контролирующего должника лица, и тех обязательств, которые возникли во вменяемый такому лицу период.

Чтобы рассмотреть вопрос размера ответственности, необходимо в первую очередь установить круг лиц, на которых непосредственно возложена обязанность по подаче заявления о банкротстве юридического лица согласно положениям ст. 61.12 Закона о банкротстве.

Непосредственно лицами, уполномоченными на созыв заседания для принятия решения о подаче заявления в арбитражный суд и (или) на принятие такого решения самостоятельно, являются руководитель должника, ликвидационная комиссия, учредитель (участник) должника, собственник имущества должника – унитарного предприятия [1].

Необходимо отметить, что субсидиарную ответственность также несет и номинальный руководитель организации. Так как фактически номинальные руководители не являются конечными выгодоприобретателями в случае вывода имущества должника в преддверии банкротства, целесообразность их привлечения к субсидиарной ответственности отсутствует. Тем не менее правоприменительная практика² пришла к выводу о том, что руководитель, формально входящий в состав органов юридического лица, но не осуществлявший фактическое управление, не утрачивает статус контролирующего лица, который принадлежит ему в силу должности. Ведь подобное поведение не означает потерю возможности оказания влияния на должника и не освобождает номинального руководителя от осуществления обязанностей по выбору представителя и контролю за его действиями (бездействием), а также по обеспечению надлежащей работы системы управления юридическим лицом [2]. Данная точка зрения подтверждается и в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»³ (далее – Постановление Пленума № 53).

К лицам, привлекаемым по ст. 61.12 Закона о банкротстве, относятся управомоченные созывать внеочередное собрание участников общества, акционеров – коллегиальный исполнительный орган, наблюдательный совет общества, ревизионная комиссия, аудиторская организация, а также участники общества, обладающие в совокупности не менее чем одной десятой от общего числа голосов участников общества, если уставом общества не предусмотрено, что для созыва внеочередного собрания участников общества требуется меньшее количество голосов.

² Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 29 июля 2024 г. № Ф10-2267/2024 по делу № А64-3990/2019. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 3.

Необходимо отметить, что лица, уполномоченные созывать внеочередное собрание участников, акционеров общества, подлежат привлечению к субсидиарной ответственности при наличии определенных условий:

1) лицо должно являться контролирующим, в том числе исходя из не опровергнутых им презумпций о контроле мажоритарного участника корпорации;

2) лицо не могло не знать о нахождении должника в таком состоянии, при котором на стороне его руководителя, ликвидационной комиссии возникла обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве, и о невыполнении ими данной обязанности;

3) лицо обладало полномочиями по созыву собрания коллегиального органа должника, к компетенции которого отнесено принятие корпоративного решения о ликвидации, или обладало полномочиями по самостоятельному принятию соответствующего решения;

4) лицо не совершило надлежащим образом действия, направленные на созыв собрания коллегиального органа управления для решения вопроса об обращении в суд с заявлением о банкротстве или на принятие такого решения (п. 13 Постановления Пленума № 53).

Стоит заметить, что закон не применяет прямо к этим лицам термин «контролирующее должника лицо», хотя, исходя из положений ч. 3.1 ст. 9 Закона о банкротстве, речь идет именно о них. Представляется, что это связано с тем, что понятие контролирующего должника лица хоть и охватывает вышеназванных субъектов, но придало бы излишне широкое толкование норме права.

Переходя к вопросу о размере субсидиарной ответственности, подчеркнем, что размер ответственности непосредственно зависит от периода, в который привлекаемое к ответственности лицо выполняло функции контролирующего лица и в течение которого на лице лежала соответствующая обязанность по подаче заявления должника в суд и собранию высшего органа юридического лица.

Размер ответственности равен размеру обязательств должника перед конкретными кредиторами [3, с. 455], возникших после истечения месячного срока⁴ с момента возникновения обязанности по обращению с заявлением должника и до возбуждения дела о банкротстве должника (возврата заявления уполномоченного органа о признании должника банкротом).

Исходя из телеологического подхода, а также опираясь на толкование Верховного Суда Российской Федерации, согласно которому наличие причинно-следственной связи между неподачей контролирующим должника лицом заявления о банкротстве и невозможностью удовлетворения требований кредиторов, обязательства перед которыми возникли в период просрочки подачи заявления о банкротстве, презюмируется, можно сделать вывод о прямом назначении данного положения относительно обязательств контролирующего должника лица перед кредиторами (п. 12 Постановления Пленума № 53).

⁴ Необходимо уточнить, что в соответствии с ч. 3 ст. 9 Закона о банкротстве для ликвидационной комиссии установлен десятидневный срок для подачи заявления.

Целесообразно обратиться к оценке правовой природы субсидиарной ответственности в целом. Так, в соответствии с Постановлением Пленума № 53 субсидиарная ответственность определяется как форма деликтной юридической ответственности ввиду возможности применения к ее правовому регулированию положений глав о деликтной ответственности Гражданского кодекса Российской Федерации. С таким подходом соглашаются большинство отечественных специалистов [4; 5; 6], в том числе О. В. Гутников [7, с. 65–66], указывающий на то, что субсидиарная ответственность в банкротстве представляется как возмещение кредиторам вреда, который был причинен неправомерными действиями должника (в контексте ст. 61.12 Закона о банкротстве речь идет о бездействии). Тем не менее существуют и иные позиции, согласно которым субсидиарная ответственность относится к дополнительной юридической ответственности [8].

Представляется, что в данном случае более точной является позиция Верховного Суда Российской Федерации. Независимо от специфики природы, являясь в первую очередь юридической ответственностью в целом, субсидиарная ответственность в банкротстве имеет компенсаторный характер, который подтверждается также требованием к наличию причинно-следственной связи. Цель применения института субсидиарной ответственности в правоотношениях банкротства – восстановление имущественных прав кредиторов.

Соответственно, размер субсидиарной ответственности определяется так и никак иначе, поскольку по своей функции она является формой защиты прав кредитора, который оказал доверие руководителю юридического лица, осознающего, что он не сможет предоставить встречное исполнение. Цели «наказать» и привлечь контролирующее должника лицо к максимально возможной субсидиарной ответственности закон не преследует.

Данное понимание также исходит из толкования ст. 61.11 Закона о банкротстве, в которой закрепляются положения об ответственности контролирующих должника лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов. Так как Закон предусматривает прямую причинно-следственную связь между действиями лиц и невозможностью погасить требования кредиторов, то здесь прослеживается деликтная природа субсидиарной ответственности. В свою очередь, деликтная ответственность основывается на общем принципе возмещения равных убытков, закрепленном в ст. 15 ГК РФ, и уже упомянутой компенсаторной функции юридической ответственности в целом.

В связи с изложенным дискуссионным, по нашему мнению, является вопрос о порядке определения объема обязательств, предъявляемых контролирующему должника лицу при установлении размера субсидиарной ответственности последнего. Несмотря на то что этот вопрос не был предметом специального изучения отечественными цивилистами и правоприменителями, это не означает, что он не имеет практического значения.

Правильное определение объема обязательств, учитываемых при определении субсидиарной ответственности, позволяет с большей степенью достоверности установить ее размер. Как было указано выше, субсидиарная ответственность – это не мера наказания в отношении лица, а механизм

защиты права кредитора, и неверное ее исчисление, таким образом, нарушает права лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности.

Видится необходимым установить, какие обязательства, возникшие после истечения месячного срока, включаются в размер субсидиарной ответственности. В этом случае представляет интерес не характер обязательства, а тот критерий, которым руководствуется правоприменитель, определяя обязательства, входящие в размер ответственности. К этому вопросу можно подойти с двух сторон.

По общему правилу обязательства возникают из юридических фактов, в нашем случае – вследствие заключения договора⁵, в результате согласования воли и волеизъявления двух сторон. Несмотря на этот, весьма привычный подход, на практике распространен иной порядок определения размера субсидиарной ответственности.

Так, при привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности конкурсный управляющий руководствуется моментом представления кредитором исполнения по договору. То есть при уже заключенном договоре под датой возникновения интересующего нас обязательства понимается не фактическое его возникновение, а непосредственное исполнение, в том числе по даящимся правоотношениям.

В качестве примера подобной судебной практики рассмотрим решение Арбитражного суда Иркутской области от 17 сентября 2024 г.⁶ во взаимосвязи с решением Арбитражного суда города Санкт-Петербург и Ленинградской области от 17 сентября 2021 г.⁷ Исходя из материалов дела, договор, неисполненные обязательства по которому были заявлены в качестве основания для привлечения к субсидиарной ответственности, был заключен между сторонами 13 марта 2020 г., в то время как дата «объективного банкротства» должника, установленная судом, 31 декабря 2021 г., т. е. договор был заключен до указанной даты.

Стоит заметить, что дефиниция «объективное банкротство» не закреплена законодательно, а используется исключительно в актах судебной практики. Так, впервые это понятие было использовано Верховным Судом Российской Федерации в Определении 20 июля 2017 г. № 309-ЭС17-1801⁸, а позже в Постановлении Пленума № 53 как момент, в который должник стал не способен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов.

⁵ Гришаев С. П., Богачева Т. В., Свит Ю. П. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный) (Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2019). С. 324 (дата обращения: 31.10.24).

⁶ Решение Арбитражного суда Иркутской области от 17 сентября 2024 г. по делу № А19-15804/2023.

⁷ Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербург и Ленинградской области от 17 сентября 2024 г. по делу № А56-50503/2021.

⁸ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 июля 2017 г. по делу № А50-5458/2015.

Необходимо уточнить, что понятие «объективное банкротство» не тождественно понятию «неплатежеспособность», определяемому как прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств [9, с. 7], а скорее, они соотносимы как целое и часть.

В соответствии с правовыми позициями Верховного Суда Российской Федерации правоприменителю было бы целесообразнее включать в субсидиарную ответственность только те представленные кредитором исполнения, договоры по которым были заключены после даты «объективного банкротства». Тем не менее в приведенном случае суд включил в субсидиарную ответственность все исполнения, представленные кредитором, даже те, на дату совершения которых должник еще не отвечал признаку неплатежеспособности.

Подобный подход представляется нам неверным, потому что не только ущемляет права контролирующего должника лица, но и по своей сути противоречит существу субсидиарной ответственности.

Однако в отечественной судебной практике существуют и иные подходы к определению характера обязательств, включаемых в размер субсидиарной ответственности.

В частности, подход, сформулированный Тринадцатым арбитражным апелляционным судом, представляется одним из самых удачных. Так, суд отказал в привлечении к субсидиарной ответственности, исходя из того, что значение субсидиарной ответственности за несвоевременную подачу заявления о признании должника банкротом состоит в исправлении негативных последствий для введенных в заблуждение кредиторов, по неведению предоставивших исполнение лицу, являющемуся в действительности банкротом, явно неспособному на встречное исполнение. Суд апелляционной инстанции полагает, что во внимание следует принять именно дату заключения договора, а не дату совершения исполнения по нему, поскольку именно в момент заключения договора кредитор оказывает доверие должнику, в дальнейшем же исполнение по договору является его обязанностью⁹.

То есть суд приходит к выводу о том, что ключевой критерий для разграничения, какие именно обязательства входят в размер субсидиарной ответственности, – это момент оказания доверия кредитором в отношении контролирующего должника лица. Это исходит из назначения ст. 61.12, призванной защитить права тех кредиторов, которые оказали доверие уже неплатежеспособному должнику, о чем контролирующее лицо было осведомлено. Доверие оказывается именно на момент заключения договора с должником, а не на этапе его исполнения.

Данная позиция представляется наиболее соответствующей букве закона, так как исходит из указанного выше понимания субсидиарной ответственности контролирующего должника лица. Этот подход был поддержан в ряде актов Тринадцатого арбитражного суда, в которых разрешались

⁹ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 сентября 2023 г. № 13АП-34266/22 по делу № А56-20600/2020.

I. A. Lyubimova. On the question of the procedure for determining the amount of subsidiary liability

аналогичные вопросы субсидиарной ответственности¹⁰, а также Арбитражным судом Северо-Западного округа¹¹.

Руководствуясь таким подходом к определению размера субсидиарной ответственности в деле, представленном ранее, суду следовало отказать в привлечении к субсидиарной ответственности по основанию, предусмотренному ст. 61.12 Закона о банкротстве, поскольку кредитором было оказано доверие должнику еще до даты «объективного банкротства» и возникновения на стороне субсидиарного ответчика обязанности по обращению в суд с заявлением должника о признании его несостоятельным (банкротом). Его права в отношении этого конкретного правоотношения попросту не нуждаются в защите, предоставляемой ст. 61.12 Закона о банкротстве.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что разграничение обязательств, включаемых в размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица, следует проводить по моменту заключения договора с должником ввиду того, что доверие кредитором оказывается именно при заключении договора, а следовательно, все обязательства из договора, заключенного до даты возникновения на стороне контролирующего лица обязанности по подаче заявления должника о признании его несостоятельным (банкротом), вне зависимости от даты представления кредитором исполнения должнику по такому договору, не подлежат включению в размер субсидиарной ответственности по ст. 61.12 Федерального закона о несостоятельности (банкротстве).

Список источников

1. Голубцов В. Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 48. С. 248–273.
2. Шишкина Е. В. Субсидиарная ответственность номинального руководителя в рамках дела о банкротстве // Хозяйство и право. 2022. № 1. С. 110–118.
3. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве : моногр. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации, 2019. 488 с.
4. Пархоменко А. Д. Субсидиарная ответственность как механизм противодействия злоупотреблению конструкцией юридического лица // Российский судья. 2022. № 5. С. 21–24.
5. Морхат П. М. Субсидиарная ответственность в делах о банкротстве как самостоятельная (основная) ответственность контролирующего должника лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019. № 4. С. 68–79.

¹⁰ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 декабря 2023 г. № 13АП-33305/23 по делу № А56-108534/2019.

¹¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 мая 2024 г. № 07-2218/24 по делу № А56-108534/2019.

6. Алекперов Д. С. оглы. Соотношение правил о субсидиарной ответственности при банкротстве и генеральном деликте // Арбитражные споры : электрон. изд. 2023. № 4. С. 8.
7. Гутников О. В. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и юридическая природа // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 45–77.
8. Суворов Е. Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 42–49.
9. Карелина С. А. Признаки объективного банкротства, используемые при определении оснований привлечения к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица // Хозяйство и право. 2020. № 3 (518). С. 32–47.

References

1. Golubtsov, V. G. Subsidiary liability of persons controlling a debtor: legislative approach evolution. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2020;(48):248-273. (In Russ.)
2. Shishkina, E. V. Subsidiary liability of the nominal head in bankruptcy case. *Khozyajstvo i pravo = Economy and Law*. 2022;(1):110-118. (In Russ.)
3. Gutnikov, O. V. *Corporate liability in civil law*. Monograph. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 2019. 488 p. (In Russ.)
4. Parkhomenko, A. D. Subsidiary liability as a mechanism of combating of abuse of the legal entity structure. *Rossikij sud'ya = Russian Judge*. 2022;(5):21-24. (In Russ.)
5. Morkhat, P. M. Subsidiary liability in bankruptcy cases as an independent (main) liability of the controlling debtor for breach of duty to act in good faith and reasonably towards creditors of the controlled person. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga = Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District*. 2019;(4):68-79. (In Russ.)
6. Alekperov, D. S. ogli. Ratio of bankruptcy liability and general tort rules. *Arbitrazhnye spory = Arbitration Disputes*. E-edition. 2023;(4):8. (In Russ.)
7. Gutnikov, O. V. Subsidiary liability in the legislation on legal entities: issues of legal regulation and legal nature. *Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2018;(1):45-77. (In Russ.)
8. Suvorov, E. D. On the legal nature of the secondary liability for obligations of an insolvent debtor in case of bringing it to bankruptcy. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2018;(7):42-49. (In Russ.)
9. Karelina, S. A. The signs of objective bankruptcy used in determining the grounds for bringing to the subsidiary liability for the impossibility of full payment of creditors' claims due to actions and (or) Failure of the controlling debtor. *Khozyajstvo i pravo = Economy and Law*. 2020;(3):32-47. (In Russ.)

Информация об авторе

И. А. Любимова – студент 4 курса.

Information about the author

I. A. Lyubimova – 4rd year student.

I. A. Lyubimova. On the question of the procedure for determining the amount of subsidiary liability

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 13.02.2025; одобрена после рецензирования 27.02.2025; принята к публикации 04.03.2025.

The article was submitted 13.02.2025; approved after reviewing 27.02.2025; accepted for publication 04.03.2025.